

(Продолжение. Начало
в № 98 от 06.4.2016 и
№ 99 от 13.04.2016)

Итак, едва завершив Первую Камчатскую экспедицию, Витус Беринг стал готовиться ко второй. Из конкретных предложений Беринга следовало, что он расценивал эту экспедицию как локальное мероприятие, примерно, эквивалентное по масштабу Первой Камчатской: по численности она должна была превзойти первую лишь незначительно (65 против 34-х человек экипажа), а расходы оценивались в весьма скромную сумму – в 10-12 тысяч рублей (Петрухинцев. Н. «Прорыв на восток. Истоки и исход второй экспедиции Беринга». Родина. 2009. № 2. С.69-74. С.70). Однако в Санкт-Петербурге поспешили максимально расширить задачи и масштаб экспедиции, что встретило полную поддержку. Началось обсуждение программы работ с учетом мнений флотского ведомства, Сената и Академии наук, которое заняло почти год. Программа, оформленная сенатским докладом, ставила перед экспедицией серьезнейшие задачи, распределенные между восемью отдельными отрядами:

- 1) исследование Северного морского пути отдельными отрядами «лейтенантов флота» (Северные отряды экспедиции);
- 2) астрономические наблюдения, картографирование и научное экономико-географическое и историографическое описание Сибири (научный отряд);
- 3) исследование морского пути в Японию и Китай и описание островов и побережья («японский» отряд Шпанберга);
- 4) разведка пути в Америку и американского побережья с возможной перспективой присоединения части его к России («американский» отряд Беринга) (Петрухинцев. Н. «Прорыв на восток. Истоки и исход второй экспедиции Беринга». Родина. 2009. № 2. С.69-74. С.71).

28 декабря 1732 года указ об организации экспедиции, названной «самой дальней и трудной и никогда прежде не бывалой», был представлен Сенатом на высочайшее утверждение (Сергеев. В. Д. «Страницы истории Камчатки». Петропавловск-Камч.: Дальневосточное книжное изд-во, 1992. 190 с. С.69).

Масштабы экспедиции были столь велики, что впоследствии она получила название Великой Северной экспедиции. Все арктическое побережье России было разбито на пять участков.

Великая Северная экспедиция продолжалась около десяти лет. Всего в работе основных и вспомогательных отрядов экспедиции приняли участие несколько тысяч человек различных специальностей, непосредственно научными изысканиями занимались более 550 человек. Участники экспедиции во время морских и пеших походов исследовали и впервые нанесли на карту почти все русское побережье Ледовитого океана, берега Охотского и Берингова морей. Русскими исследователями были открыты Таймыр, Аляска, Алеутские и Командорские острова. В 1746 году по материалам Великой Северной экспедиции Дмитрий Овцын, Софрон Хитрово, Алексей Чириков, Иван Елагин, Степан Малыгин, Дмитрий и Харитон Лаптевы составили «Карту генеральную Российской империи, северных и восточных берегов, прилежащих к Северному Ледовитому и Восточному океанам с частью вновь найденных через морские плаванья западных американских берегов и острова Япона».

Помимо руководства всей Второй Камчаткой экспедицией Беринг должен был лично возглавить «американский» отряд во время плавания к берегам Америки. Это путешествие стало для Витуса Беринга последним. И именно этому маршруту мы уделим свое внимание. По словам Свена Вакселя, завершившего экспедицию после смерти Беринга, «на экспедицию не жалели никаких затрат, и правительство приложило все возможное старание к обогащению науки общей географии на пользу общественному просвещению, о чем можно и должно упомянуть как о славной заслуге России» (Ваксель С. «Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга». Ред., предисл. и коммент. А.И. Андреева. – Л.-М., 1940 – 174 с. С.13).

Об этой экспедиции написано гораздо больше, нежели о первой. Свой вклад внесли современники, участники событий, среди которых особенно интересны записи Алексея Чирикова, Свена Вакселя, Георга Стеллера. Но не стоит забывать, что и эти документальные свидетельства несут на себе печати характеров своих авторов, отношений в отряде и прочих обстоятельств. Так, известный дневник Свена Вакселя был написан спустя более чем 15 лет по завершении эпопеи, а к этому времени многие события виделись ему уже в несколько другом свете. Хотя в основу его труда легли «Путевые журналы Г. Стеллера о Второй Камчатской экспедиции», журнал, который вел, по словам Вакселя, «его товарищ, в то время лейтенант, впоследствии контр-адмирал, ныне покойный Софрон Хитрово», донесения, карты, устные сообщения, заметна некоторая разница в оценках событий и людей у Вакселя – как несомненного автора печатаемого в приложении донесения в Адмиралтейств-коллегию от 15 ноября 1742 г. и у Вакселя – как автора «Извлечения», которое он закончил незадолго до 1758 года. (Попова О.А. «Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга шведа Свена Вакселя» – уникальная библиографическая редкость: Электронный ресурс. Код доступа: <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2006/>).

Поэтому, не задерживаясь на деталях очередного долгого пути к Якутску, мы решили обратиться к такому необычному источнику, как доносы. Дело в том, что время обеих экспедиций Витуса Беринга совпало с петровско-анненской эпохой доносительства, поэтому доносы и жалобы на руководителей были обычным явлением, только выражалось это в форме рапортов. Впервые такие документы Второй Камчатской экспедиции были изучены Татьяной Сергеевной Федоровой, историком-архивистом

Российского государственного архива военно-морского флота Санкт-Петербурга. Ею были представлены наиболее существенные и содержащие наиболее серьезные замечания – рапорты капитан-поручика В.И. Казанцева, лейтенанта М.Г. Плаутина и начальника Охотского порта Г.Г. Скорнякова-Писарева, адресованные в Сибирский приказ, Адмиралтейств-коллегию, Сенат и даже императрице. Документы эти до сих пор не исследовались и не публиковались до 2002 года.

Одним из первых критиков В. Беринга был капитан-поручик Василий Казанцев, который жил и служил в Кронштадте, но в 1727 году за высказывание в поддержку А.Д. Меншикова был арестован и по указу Петра II от 5 января 1728 года «за непристойные слова» отправлен в Сибирь в команду В. Беринга. В 1732 году Казанцев был отправлен на Камчатку с целью осмотра мест, пригодных для постройки крепостей и составления чертежей. Казанцев это поручение начальника Охотского порта Г.Г. Скорнякова-Писарева воспринял как особую миссию, для выполнения которой себя не пожалел.

Он прошел весь полуостров (за исключением горных хребтов): летом - пешком, зимой - на собачьих упряжках и лыжах. Результатом этого путешествия стало доношение и чертежи будущих крепостей.

Пройдя от Якутска до Охотска, ознакомившись с суровой природой Охотского края, где зимой морозы нередко достигали - 40°C, с камчатскими пургами – снежными бурями с жестокими ветрами, сыростью и абсолютным бездорожьем, Казанцев убеждается в том, что условия для деятельности Второй Камчатской экспедиции не созданы. Деятельность, или вернее сказать, бездействие Г.Г. Скорнякова-Писарева также было подвергнуто суровой критике. Василий Казанцев подготовил чертежи будущих крепостей и обобщил результаты своего путешествия. В сентябре 1735 года в Якутской воеводской канцелярии он заявил, что в Охотском правлении и экспедиции капитан-командора Беринга «чинится государству напрасно немалый убыток и разорение». В связи со столь серьезным обвинением Казанцев был отправлен в январе 1736 года в Иркутск, где передал вице-губернатору А.Г. Плещееву 4 чертежа и доношение, состоящее из 27 пунктов. Он сообщил также, что имеет много устных доказательств и просил, чтобы его отправили в Сенат для дачи показаний. Через месяц Казанцев заявил уже о 50 пунктах обвинений и настаивал на отправке в Сенат, «не упуская времени, понеже оное дело времени не терпит, что государству напрасное разорение чинится» (Федорова Т.С. «Доносы и жалобы на В.Беринга как источник по истории Второй Камчатской экспедиции». «Русское открытие Америки: Сборник статей, посвященный 70-летию академика Н.Н. Болховитинова». М.: «Российская политическая энциклопедия». 2002. 495с. С.195).

Сегодня, зная трагический финал Второй экспедиции В. Беринга, мы не можем не признать правоту Василия Казанцева. Ведь на половину земного круга растянулся по долготе район работ Великой Северной экспедиции: семь отдельных отрядов, шестьсот русских моряков, пять тысяч человек, постоянно обеспечивавших транспортировку грузов в Тобольск, Туруханск, Якутск, в Охотск и на Камчатку. Такая экспедиция, несомненно, требовала более чем серьезной подготовки. Ведь был уже опыт Первой

экспедиции, когда, не выдержав тягот пути, служилые люди, нанятые в Якутске, убегали. Есть все основания считать, что В. Казанцеву был известен горький опыт Первой экспедиции и он искренне стремился предотвратить его повторения.

14 марта 1736 года бывший капитан-поручик был арестован, но это его не остановило: в июне он передал в Тобольскую губернскую канцелярию новое доношение, состоящее уже из 112 пунктов. Обвинения его в адрес Беринга сводились к тому, что деятельность Второй Камчатской экспедиции обходится государству слишком дорого, в Охотск посылается множество людей всякого чина, отчего «чинится государству убыток или разорение, а доброго и прочного ничего не будет и сделать неисчего». Поэтому нужно остановить экспедицию как можно скорее, ибо «ежели такое нерассудительное отправление с таким великим коштом еще несколько лет продолжится, то государству великий убыток учинится, для того, что люди все с голоду помрут, а интересы все даром пропадут». Казанцев писал также о долгом пребывании Беринга в Якутске и зимних развлечениях офицеров. К доношению были приложены чертежи неизвестной земли близ Камчатки и на юг от нее, пути от Якутска до Охотска и р. Амур.

Возможно, у капитан-командора были основания для задержки. Ведь снабжение огромной экспедиции, разбросанной по Сибири, требовало исключительной энергии. Так, например, только в одном 1738 году и только из Якутска к Юдомскому кресту было отправлено: муки – 13 тысяч 896 пудов, сухарей – 593 пуда, круп – 2 тысячи 702 пуда... И так далее (Шумилов А.В. «Самая дальняя и трудная и прежде никогда не бывалая. Последняя экспедиция Витуса Беринга». М.:АО «Прогресс». 1992. 192 с. С.26).

Уже 9 сентября 1736 года по указу Сената, куда поступили все материалы Казанцева, Адмиралтейств-коллегия рассмотрела эти документы и постановила представить в Правительствующий Сенат экстракт, в котором перечислить все указы, посланные Берингу с осуждением его долгого пребывания в Якутске. Но вот свидетельство Свена Вакселя – старшего помощника на «Святом Петре», одобрявшего продуманную основательность действий В. Беринга: «Он не раз говорил мне, что, мол, нехитрое дело загнать людей в места, где они себя сами могут пропитать, а вот обеспечить их содержание – это дело, требующее предусмотрительности и разумной распорядительности» (там же).

Несмотря на все эти меры, зимовка на Камчатке оказалась тяжелой: вопрос снабжения продовольствием стал одним из основных. Свен Ваксель писал: «Было принято решение кормить команду в течение зимы рыбой и олениной и выдавать ей половинную норму хлеба». Известно и то, насколько губительным оказалось пребывание экспедиции для местных жителей, которые были вынуждены не только обеспечивать моряков продуктами, платить ясак, но и лишались основного средства существования – собачьих упряжек, которые изымались для нужд экспедиции. Последствием этого стало резкое сокращение численности коренного населения. Но цель оправдывает средства, видимо, так рассуждали в Сенате, да и самой возможности улучшить снабжение экспедиции в условиях крайней отдаленности не существовало. Поэтому, хотя Берингу и был послан указ, в котором ему сообщалось о доносе Казанцева, о прекращении его экспедиции не могло быть и речи, более того, командору было велено провести более тщательный

осмотр территорий и составить карты Камчатского и Охотского края. Более 10 лет Казанцев упорно, как ему казалось, отстаивал интересы России.

Вторая Камчатская экспедиция действительно обошлась стране достаточно дорого и легла тяжелым бременем на провинции Сибири, но итоги ее были несоизмеримо значительнее, видимо поэтому Коллегия не признала пользы в его доносах.

Совершенно другого характера были доносы на В. Беринга штурмана в ранге лейтенанта Михаила Плаутина, зачисленного в экспедицию в январе 1733 года. Обладая неуравновешенным и скандальным характером, он поссорился с Берингом в самом начале экспедиции и, когда появился повод, принялся писать на него доносы. Хотя сам Беринг пытался истинно по-отечески удержать Михаила от конфликтов. Плаутин сообщал, что капитан-командор «вступает во многие посторонние дела, отчего могут чинитца в отправлении Камчатской экспедиции многие замедления», и приводил примеры таких «посторонних» дел: информировал, что Беринг приказал выдавать служителям экспедиции подмокшую муку и крупу, брал подарки соболями, изготавливал вино и др. Из этого Плаутин делал вывод, что «капитан-командор употребляет свое мнение и старание не о Камчатской экспедиции, но больше старается о своем интересе и о покое жены своей и детей, чтоб от них не отлучатца и долее прожить в Якуцке с ними, понеже до Охотска трудная езда» (Федорова Т.С. «Доносы и жалобы на В.Беринга как источник по истории Второй Камчатской экспедиции. Русское открытие Америки» Сборник статей, посвященный 70-летию академика Н.Н. Болховитинова. М. «Российская политическая энциклопедия». 2002. 495с. С.198). Отметим, что история жизни Анны Беринг, о которой, по словам доносчика, так заботился капитан-командор, требует отдельного повествования. Но можно ли осуждать стремление Беринга облегчить участь родных, если нам известно, что после тяжелой Первой экспедиции, после гибели пятерых детей Анна вновь сопровождает мужа.

Плаутин упрекал начальника экспедиции в том, что он угощал жителей города, а взамен получал шкурки соболя и в нежелании уезжать из Якутска «...Капитан-командор не употребляет своего старания о врученном ему деле для Камчатской экспедиции и ехать из Якутска не хочет... Более старается о своих интересах и веселиях, нежели об экспедиции и из Якутска добровольно, зная, не выедет». Плаутин писал, что для летних забав Беринг сделал баржу и карету, а колеса для нее вез из Тобольска за счет экспедиции. Для зимних забав «и прославления себя» сделал большие сани, в которые помещалось до 30 человек, 4 трубача и стол с конфетами, катал на них жену, детей и местных жителей. «И триумфов Якутску, а радоваться в то время нечему было, разве было печалитца... И ежели будет следствие по сему доношению, то буду во всем доказывать и обличать нерадение его, а ежели что и в уведаю, о том должен по присяжной моей должности к пользе интереса ея и. в. доношениями предлагать», – заключал свой рапорт лейтенант, обещая и дальше писать доносы «Федорова Т.С. «Доносы и жалобы на В.Беринга как источник по истории Второй Камчатской экспедиции./ Русское открытие Америки». Сборник статей, посвященный 70-летию академика Н.Н. Болховитинова. М.«Российская политическая энциклопедия». 2002. 495с. С.199). 31 января 1737 года Адмиралтейств-коллегия, заслушав очередной донос Плаутина, выразила Берингу крайнее недовольство задержкой его в Якутске, не

принимая во внимание причин этой задержки. Ему было приказано прислать обстоятельный отчет и отправиться «в подлежащий путь..., не продолжая ни малого времени и не ожидая впредь подтвердительных указов под опасением тягчайшего, яко за пренебрежение ея и. в. указов и за нерадение о пользе государственной ответа и истязания». Берингу было запрещено получать двойное жалование, как всем другим участникам экспедиции.

Капитан-командор тяжело переживал недовольство Адмиралтейств-коллегии его действиями и недоверие к нему. 5 декабря 1737 года он с горечью писал: «...Я по чистой моей совести доношу, что уже как мне больше того старатца, не знаю, и, кроме того, какое я к способности ея сначала и поныне прилежание имею, иных способов к поспешению не нашел».

Больно задело его и запрещение получать двойное жалование. Указ об этом пришел в Охотск в начале 1738 года и до 1 июня 1740 года Беринг имел только одинарное жалование, что было весьма ощутимо, так как к тому времени в остроге была и Анна Матвеевна с младшими детьми. Много неприятностей доставляли командору бесконечные жалобы и доносы бывшего любимца Петра I, генерал-майора, директора Морской академии, затем обер-прокурора Сената Г.Г. Скорнякова-Писарева.

В 1727 году он был лишен чинов, бит кнутом и сослан в Сибирь на поселение за участие в заговоре против А.Д. Меншикова. Все это сделало Писарева озлобленным и скандальным. Опустившийся к тому времени Писарев не смог найти общего языка с окружающими и попытки В. Беринга усмирить его гнев оборачивались доносами на него самого. Эти удивительные свидетельства времени вместе с бесконечными ответами Беринга на попытки Сената выяснить, что же было на самом деле, погружают нас не только в мир человеческих страстей, но и в обстоятельства их появления.

К счастью любознательного читателя, в 2009 и 2013 годах вышли сборники документов Второй Камчатской экспедиции, чтение которых порой, более захватывает, нежели современный детектив («Вторая Камчатская экспедиция. Документы 1734-1736. Морские отряды». Составители Наталья Охотина-Линдт, Петер Ульф Меллер. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009 – 933с.; «Вторая Камчатская экспедиция. Документы 1734-1736. Морские отряды». Составители Наталья Охотина-Линдт, Петер Ульф Меллер. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013 – 942 с.).

Продолжение следует.

Т. ВОРОБЬЕВА, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой экономически
х
и
социально-

гуманитарных наук

Петропавловск-

Камчатского филиала

РАНХиГС